

Л. С. Кишкин

О СИНТЕЗЕ НАРОДНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД «ШПАЛИЧКОМ» М. АЛЕША)

Миколаш Алеш (1852—1913) — крупнейший чешский художник, творчество которого (графика и живопись — всего около 8000 работ) составило целую эпоху в развитии чешского национального искусства и, к сожалению, до сих пор еще мало известно за пределами его родины. Произведения Алеша, составляющие вершину чешского реалистического изобразительного искусства конца XIX — начала XX в., глубоко национальны и прогрессивны по содержанию. В них нашла широкое отражение жизнь, борьба и историческое прошлое чешского народа. Алеш оказал огромное прогрессивное влияние на развитие всей чешской культуры. Его жизнь и творчество — яркий пример участия передовых деятелей чешского искусства в борьбе за прогресс и свободу народа, за демократические преобразования общественной жизни.

Алеш очень популярен у себя на родине. То, за что в молодости осуждали художника — обращение к традициям национальной культуры, народность и реализм искусства — оказалось тем драгоценным и главным, что обеспечило его творчеству широкое признание и всенародную любовь. Демократизм мышления, глубокое патриотическое проникновение в историю народа, интернационализм, дружеский интерес к судьбе других славянских народов, в том числе к жизни и культуре русского народа — все это характерные черты очень многообразного творчества Алеша.

Творческая деятельность художника, начавшаяся в 70-е годы, когда он еще учился в Пражской художественной академии, отличалась необычайной многогранностью. Алеш проявил себя как исторический живописец (картины «Гуситский табор», 1877 г.; «Встреча Иржи из Подебрад с Матиашем Корвином», 1878 г. и др.); создал целый ряд графических циклов, в том числе знаменитый патриотический цикл «Родина» (1880—1881), воспроизведенный в люнетах фойе Национального театра в Праге. Ему принадлежат десятки своеобразных проектов настенных росписей, исполненных для архитекторов. Воссозданные в технике граффито, они и сейчас украшают многие дома Праги, Пльзня и других чешских городов. По проекту Алеша было осуществлено декорирование стен и сводов вестибюля Староместской ратуши в Праге.

Большое место в творчестве художника занимает книжная графика. Он не раз иллюстрировал произведения чешских классиков. Существенным событием в развитии чешской книжной графики стали иллюстрации Алеша к широко известной книге Ф. Л. Челаковского «Отголоски русских песен». Очень любил Алеш делать рисунки к народным сказкам, загадкам, пословицам и особенно песням.

Следует подчеркнуть, что все художественное наследие Алеша тесно связано с традициями народного изобразительного искусства и с народным творчеством вообще. В разных произведениях это проявилось по-разному. В одних случаях художник украшает древних героев унетическими браслетами, орнаментированными поясами, вводит в интерьер

жилища языческих славян предметы народного творчества, в частности орнаментированные керамические сосуды, в других — этнографически точно воспроизводит костюмы различных местностей Чехии, специфический облик крестьянского жилища, мебели, домашней утвари. Следует сказать, что Алеш был одним из лучших знатоков истории чешского народного костюма. В работах, посвященных вопросам архитектуры, художник широко использовал элементы национального народного орнамента. Особенно же сильно и отчетливо его связь с народным искусством проявилась в иллюстрациях к народным песням.

Необычайно популярна в Чехии книга «Шпаличек», куда входит около трехсот очень своеобразных иллюстраций Миколоша Алеша к народным песням и пословицам (в основном чешским, а отчасти и словацким).

Слово «Шпаличек» — буквально «маленькая деревянная колода», «брусок дерева». В древней Чехии «шпаличками» называли толстые книги, состоящие из скрепленных тонких дощечек, покрытых воском. На этих дощечках острыми металлическими стержнями делали необходимые записи. Позже так стали называть большие книги, в частности сборники духовных песен, первоначально, по-видимому, имевшие деревянную обложку.

В XVII, XVIII и XIX вв. чешские крестьяне называли «шпаличками» своеобразные «песенники», которые в каждой семье составлялись из привозимых с базаров и ярмарок лубочных листовок с рисунками и песенными текстами. Речь идет о так называемых «крамаржских» песнях (духовных и светских), которые были тесно связаны со всей культурной жизнью народа, с его творчеством. Не удивительно поэтому, что собрание рисунков Алеша к текстам народных песен и пословиц было озаглавлено «Шпаличек». В этих рисунках художник-профессионал широко использовал опыт народного творчества.

«Шпаличек» создавался Алешем на протяжении всей его творческой жизни, с середины 70-х годов прошлого века и почти до смерти (1913). Составившие эту книгу рисунки первоначально воспроизводились в журналах, печатались как дешевые народные картинки. Первое издание собрания иллюстраций к народным песням и пословицам появилось в 1906, а его продолжение в 1912 г. Книга издавалась много раз, причем огромными для Чехословакии тиражами.

В чем тайна этого успеха, в чем секрет необычайной популярности рисунков «Шпаличка»? На этот вопрос и хотелось бы по возможности ответить. Органически целое по стилю, по общей тематике и по жанровым признакам собрание рисунков — песен, которые составили «Шпаличек», возникло в результате многолетней работы. Алеш как бы переводил образы народных песен на язык графического искусства. При этом рисунки к песням по силе своего художественного воздействия не только не уступают песенным текстам, но нередко и превосходят их.

Получая от словесных образов эмоциональные импульсы, художник обогатил и дополнил их, выделил в них главное и, таким образом, выступил достойным партнером анонимных авторов народных песен, пословиц и загадок. Сила воздействия рисунков Алеша объясняется не только тем, что песенные строки (часто в «Шпаличке» мы встречаем отрывки из песен, а не целые тексты), получили у художника мастерскую графическую интерпретацию, развивавшую крамаржскую традицию, что его чарующие рисунки позволили чешским читателям — зрителям не только прочесть, услышать, но и увидеть широко известные песенные образы, со многими из которых они были знакомы с детства. Сила воздействия рисунков Алеша коренилась еще в неисчислимых зрительных ассоциациях, которые они вызывали, а так же в том, что рисунки «Шпаличка» представляли собой развернутую панораму чешской сельской жизни конца XVIII — начала XIX в. И в этом смысле все собрание рисунков можно рассматривать как своеобразное целостное произведение. Как и в дере-

венских песенниках-шпаличках, в «Шпаличке» Алеша отразились вкусы и взгляды самого собирателя (художник иллюстрировал не всякую песню и поговорку) и творца, отмеченные глубоким патриотизмом, свободоловием, теплой симпатией к сельским труженикам, нежной любовью к родной чешской природе. Уходя своими корнями в народную культуру, «Шпаличек» Алеша сам явился крупным и оригинальным явлением, способствовавшим ее дальнейшему прогрессивному развитию. Это произведение заслуживает раздумий художников, фольклористов, этнографов, историков культуры.

В «Шпаличке» всесторонне показана жизнь чешского, а иногда и словацкого крестьянина, изображен весь ее естественный ход, от зимы до осени, от колыбели до гробовой доски. Художник, следуя песенным текстам, рисует жизнь крестьянина во всем многообразии, привлекая внимание и к большому и к малому — ко всему, что окружало сельского жителя, с чем он встречался на своем жизненном пути, что волновало его, радовало или печалило. При этом Алешу удается очень тонко сочетать этнографическую документальность изображений с глубоким лиризмом и подлинной поэтичностью. Остановливая свой взгляд порою на казалось бы очень незначительных явлениях сельской жизни, художник достигает поразительного эффекта, через крупницу частного показывает общее, заставляет увидеть в капле море. Его рисунки сливаются с песней. Силой своего воображения, разбуженного народной песней, он воссоздает обобщенный образ своего народа, показывает те живые нити, которые связывают одно поколение с другим. Может быть, именно в этом одна из причин того, что «Шпаличек» не стареет и как прежде продолжает волновать, хотя чувства и мысли современного человека отличны от переживаний и мнений современников Алеша. И надо сказать, что эмоциональное воздействие книги определяется не только содержанием, но и своеобразной формой, вобравшей в себя изобразительные элементы разных областей народного искусства.

В «Шпаличке» Алеш как бы возродил характерный для старинного искусства контакт словесного изложения с рисунком. Разумеется, это не было простым повторением давних традиционных форм. Это было своеобразное творческое развитие традиций, восходящих к средневековым иллюминированным рукописям, народным песенникам, которые позже нашли свое продолжение в лубочных изданиях со скромными и несколько примитивными гравюрами. Вместе с тем Алеш использовал в рисунках «Шпаличка» свое глубокое знание народного изобразительного творчества (орнаментов, узоров, вышивок, образов кукольного народного театра), а также «писмацкого» искусства. Сельские грамотеи и хронисты («писмаки») вели записи о рождениях и смертях, о деревенских событиях, погоде, урожае, стихийных бедствиях, и т. д. Эти записи делались особым, старательно отработанным почерком, или же своеобразными «печатными» буквами. Изучение «писмацкого» опыта помогло Алешу выработать принципы шрифтового воспроизведения отрывков иллюстрируемых песен и поговорок. В результате слияния тенденций всех этих традиций и их творческого переосмысления Алешем возник необычный и своеобразный изобразительный стиль, характерный для «Шпаличка».

«Творчество Алеша,— говорит чешский искусствовед М. Мичко,— явно преодолевает границы между искусством художника и поэта... Эстетики говорят, что первое является искусством пространства, а второе — времени; одно скорее способно постигнуть вещи в покое, другое — в движении и действии. И хотя для такой классификации есть какие-то основания, произведения Алеша позволяют хорошо понять, сколь она поверхностна. В рисунках Алеша действие развивается, не только весь цикл, но и отдельные его слагаемые полны событий и движения, движением исполнен каждый штрих. При этом песня, соединенная с рисунком, оказывает на нас влияние и графическим расположением текста,

зрительным объединением и мысленным соотношением слова и образа»¹. Эти мысли представляются верными:

Общей моделью, говоря языком современной науки, применимой к каждому из входящих в «Шпаличек» произведений, является органическое сочетание песенных текстов с изображением и орнаментальными элементами. Обычно как словесную основу (для иллюстрации) Алеш брал одну, две или более песенных строф, как правило, начальных, и создавал по ним рисунок. Текст в своеобразном шрифтовом оформлении в большинстве случаев воспроизводился самим художником, но иногда он делал лишь одну только буквицу, а текст набирался. Но в обоих случаях объем текста и его расположение гармонически сочетались с композицией графического изображения. Шрифтовой, рисованный текст, конечно, был более тесно и органично связан с рисунком и давал художнику большую свободу в композиционных решениях. Наборные тексты почти всегда идут под рисунком или же располагаются в нижнем правом углу, что определялось, по-видимому, требованиями полиграфии.

Содержание рисунка — и в тех случаях, когда он как бы иллюстрировал всю песню, и в тех случаях, когда он больше относился непосредственно к избранному тексту, как правило, шире словесного содержания. Часто рисунки-песни предстают как символы, своеобразные графические извлечения самого главного и характерного из содержания народной песни. Но в то же время нередко это и широкие обобщения, как бы приоткрывающие тот неповторимо привлекательный целостный мир и составляющую его сумму зрительных образов, которые народные песни порождают в сознании слушателей, вызывая у них множество конкретных представлений, связанных с личным жизненным опытом и воспоминаниями. При этом художник выступал не только в качестве творца, но и как бы одним из этих слушателей, для которого песня была не только источником эстетической радости, не только оружием в общественной борьбе, но и одной из естественных форм бытия национальной культуры.

Синтез словесного и изобразительного образов, восходящий к древней народно-книжной и отчасти крамаржской традиции, — это лишь одна из особенностей рисунков «Шпаличка». Есть и другая, не менее существенная, также связанная с обращением к опыту народного творчества.

Очень важным компонентом рисунков-песен Алеша являются орнаментально-декоративные элементы. Они окаймляют изображения, встречаются и в виде так называемых розетов, а иногда сплошной сеткой заполняют свободное от сюжетных изображений пространство. Если попытаться выделить основные начала орнаментовки, то, очевидно, их будет два. Одно из них, пожалуй все-таки определяющее, явно восходит к чешской народной национальной традиции: вышивкам, резьбе по дереву, круже-

Рис. 1. Иллюстрация к песне:
«Течет вода против воды,
ветер на нее дует —
моя синеглазая
из окошка смотрит»

¹ Цит. по кн.: М. А ле š, Venec národních písní, Praha, 1951, str. 11.

вам, узорам на одежде, ставнях, печах, пасхальных писанках, пряниках и т. д. Другое начало в значительной степени было создано самим художником, в процессе его работы над рисунками-песнями. Оно было подсказано Алешу самой природой. Очень часто, решая трудные задачи соединения текста и иллюстраций, а также и в декоративных целях, художник использует в «Шпаличке» стилизованные контуры сплетенных корней, выющихся и стелющихся растений, древесных ветвей и т. д. Однако

Рис. 2. Иллюстрация к песне: «Отец мой сторел...»

выделение этих двух стилевых орнаментально-декоративных начал весьма условно. Наряду с ними в рисунках Алеша встречаются и другие (например, идущие от искусства рококо) элементы орнамента. Заметим еще, что в чистом виде орнаментальные стилевые начала прослеживаются в «Шпаличке» далеко не всегда. Чаше они выступают в самых причудливых сочетаниях и комбинациях. И в этой области Алеш был новатором, создавшим свой собственный стиль, соответствовавший характеру, существу и назначению рисунков-песен.

Важную особенность орнаментовки «Шпаличка» составляет то, что зрителю и читателю порою трудно определить, где кончаются условно-орнаментальные изображения и начинаются реальные детали сюжетного рисунка (петухи с вышивок сосуществуют с петухами и курами, разгуливающими по земле, и т. д.). Если учесть столь же тесную связь орнаментальных элементов с шрифтовым текстом, то станет ясно, что именно они нередко являются основным звеном, соединяющим песенное слово с его графической интерпретацией. Такое художественное построение рисунков-песен соответствовало самой природе народных песен. И народная песня и народный орнамент обладали ярко выраженными национальными чертами и по своему генезису восходили к одним и тем же источникам, общим для всей чешской культуры. Границы между вымыслом, фантазией и реальными явлениями, между условно-символическим и конкретным в народной песне, как и во всем народном творчестве, обозначались далеко не всегда, а если и обозначались, то не очень четко. Это характерное свойство народного искусства Алеш использовал как один из художественных приемов при иллюстрации песен. Близкую орнаментальным элементам функцию в рисунках-песнях выполняли иногда и специальные рисованные буквицы. Очень разнообразные (то возникающие из сплетения растений, то похожие на узорные инициалы на деревенских

полотенцах) они нередко также служили как бы мостиками между образами-изображениями и образами-словами.

Сюжетные графические образы рисунков-песен также отмечены влиянием народного творчества, народных образных представлений, которые по существу во многом синкретичны. Как правило, репродукции алешовских иллюстраций к песням делались с рисунков пером. Техника рисунка пером, которой Алеш владел в совершенстве, как нельзя лучше подходила для иллюстрации песен. Она позволяла наиболее эффективно использовать свободные от шрифтового текста пространства, создавать на маленьких площадях целые развернутые композиции, раскрывать не одну, а несколько навеянных песней тем.

Народные песни имеют свой метафорический язык, свою внутреннюю связь явлений и образов, свою поэтику. Чтобы иллюстрировать их, нужно было выработать особые средства и особые приемы. И Алеш успешно решил эту нелегкую задачу и как художник-профессионал, и как продолжатель народной изобразительной традиции, в частности лубочно-крамаржской. Показательна в этом смысле, например, иллюстрация к песне:

Отец мой сгорел,
и мать утонула,
брат погиб на войне,
как мне их жаль.

Все дальше и дальше
рвутся семейные нити:
сестру унесла чума,
меня погубит... любовь.

С точки зрения законов песенного построения здесь каждая строка имеет свою тематическую нагрузку и в соответствии с логикой песнетворчества связана с другими, составляет вместе с ними единое целое. Алеш сумел соединить песню и рисунок в целостный ансамбль и все это на половине тетрадной страницы, где показал и пожарище, и реку, и смерть брата в битве, и могилу сестры, и уходящего с девушкой в поле военного, а также и самую опечаленную героиню, с черными распущенными волосами и чуть наклоненной головой. Как и в песне, все это предстает перед зрителем как нечто единое. Специфические внутренние связи песенного текста (образ исполнительницы, сюжетная динамика ее мысли, печальная тональность) художнику удалось передать в иллюстрации.

Метафоричность словесных образов Алеш с успехом возмещал, а точнее дополнял в своих рисунках выработанной им особой графической метафоричностью. В «Шпаличке» часто встречаются символы. Так, на иллюстрации к воинской песне «Дай же цветочек...» изображен солдат,

Рис. 3. Иллюстрация к песне:
«Дай же цветочек,
цветок дымяну,
должен тебя, милая,
покинуть к утру»

Рис. 4. Иллюстрация к песне:
«Там за рекой
две девушки с травой,
надо им переехать,
вставай перевозчик,
перевези мою девушку,
чтоб она не утонула»

Алеш заставляет зрителя дорисовывать в своем воображении иллюстрации к песням, усматривать в части целое. Поясные фигуры людей нередко вырастают в рисунках Алеша прямо из текста, круп лошади из орнамента, деревья изображаются без вершин и т. д. Во всех этих условностях, так же как и в иносказательности иллюстрированных образов Алеша, их смысловой многозначности, мы вправе видеть трансформацию условностей народного творчества как словесного, так и изобразительного. Можно было бы говорить и о других «графических тропах», созданных Алешем (аллегории, параллелизме, гиперболе, иронии), но и приведенные примеры убеждают в том, что в процессе иллюстрации песен художником была разработана соответствующая их народному характеру специфическая «изобразительная поэтика».

Существенную особенность алешовских иллюстраций составляет очень точное воспроизведение в них той материальной среды, которая окружала крестьянина, той обстановки, в которой рождались и жили песни. Деревенский дом, мельница, повозка, плуг, коса, сельская утварь, цветы и травы, бабочки и жуки, птицы и звери, разные домашние животные — всем этим зарисовкам могли бы позавидовать этнографы, ботаники, энтомологи, орнитологи и зоологи. Но художник подходил ко всему этому не как ученый. Все это, как и сельский пейзаж, как и купол виднеющейся вдали церкви, и могучая сосна, и резное оконце с выглядывающей из него деревенской красавицей, было частью того удивительного

прощающийся со своей милой, на поясе у него висит штык. Под буковницей художник поместил типично чешский ярмарочный сердцевидный пряник, пронзенный этим штыком, в чем нельзя не увидеть и шуточного символа, и доброй, лукавой усмешки. Для рисунков-песен характерен и такой изобразительный прием, который можно назвать графической синекдой. На заднем плане рисунка изображено несколько колосков, но мы мысленно видим целое поле. В нижнем левом углу иллюстрации нарисован нос лодки и молодой перевозчик с шестом, несколькими волнистыми линиями обозначена вода. А зритель представляет себе и реку и лодку целиком, и даже как переправятся через реку девушки с вязанками сена, ожидающие перевозчика. Примером графического сравнения, соответствующего словесному, может быть рисунок «У пана на ногах шпоры, а у бедняка пальцы...», на котором изображен богато одетый всадник, со шпорами, подъезжающий к замку, и склонившийся перед ним босоногий оборванческий человек с сумой на плечах.

мира, в который его привела народная песня. Точность и конкретность иллюстраций не разрушали поэзии песенной образности. Условное и действительное, легендарное и историческое, сказочное и реальное (все это свойственно и песне) образуют в них чудесный сплав народного и профессионального начал в искусстве, одинаково сильно действующий на разум и сердце зрителя. Рисунки «Шпаличка» уже только в силу своей генетической связи с народным творчеством (словесным и изобразительным) глубоко национальны. Однако это не может служить преградой к их восприятию за пределами Чехии.

По своей функции в духовной жизни чешского народа и его просвещении «Шпаличек» может быть отчасти сравним с лучшими русскими лубочными изданиями, особенно рубежа XIX и XX вв. Схожесть между «Шпаличком» и русским лубком обнаруживается уже в том, что первоначально рисунки-песни Алеша, составившие впо-

следствии его книгу, часто были своеобразными картинками для народа, и по своему характеру и по способу распространения. Известная типологическая общность между рисунками «Шпаличка» и русскими лубочными картинками проявляется также и в том, что в обоих случаях мы имеем дело с синтетическими произведениями словесного и изобразительного искусства, так или иначе связанными с народным творчеством. Одна из характерных отличительных черт лубка — необычные и смелые приемы исполнения рисунка. То же характерно и для многих рисунков-песен из «Шпаличка». В них, как и в русских народных картинках, есть нечто идущее от народной эстетики, восходящее к образности вышивок и декоративной резьбы, главное нередко выделяется путем простого увеличения или заключения в овал, перспектива не всегда выдержана или вовсе отсутствует, масштабная соразмерность изображений порою не соблюдается. Правда, лубок часто имел линейное обрамление, при котором наборный или рисованный (обычно старославянская вязь) текст, хотя и определял место иллюстраций на листе, но не был столь прочно связан с ними, как у Алеша. Степень слияния текста, орнамента и рисунка у чешского художника, который почти не оконтуривал своих иллюстраций, несравненно большая.

До середины XIX в. русский лубок в основном был больше связан с бытиной, сказкой, притчами, повестями и разного рода присловиями, отмеченными фольклорным влиянием. Лишь во второй половине века появляются так называемые «простовики» (черно-белые картинки на грубой серой бумаге) на темы русских народных песен («Лучина, лучинушка березовая...», «Во лугах, во лугах...», «Ай во поле, ай во поле...», «Пряди моя праха...», «Вниз по матушке по Волге...» и др.). Безымянные русские

Рис. 5. Иллюстрация к песне:
«Я, парень с Моравы...»

художники безусловно почувствовали тогда огромные потенциальные возможности, которые таили в себе песни для лубка, для изображения жизни народа. Любопытно, что однажды как иллюстратор песни выступил В. М. Васнецов. Известны два его рисунка к бурлацкой песне: «Ох матушка Волга, широка и долга...» («Бурлаки тянут расшиву...», «Отдых бурлаков...», 1871). К сожалению, эти рисунки остались эпизодом в творческой жизни русского художника, во многом близкого Алешу.

В 70—90-е годы русские издатели лубочных картинок пытались привлечь к своему делу художников-профессионалов, в частности М. О. Микешина и В. М. Васнецова. Однако выполненные ими народные картинки «Эво наша Катерина — намалевана картина», «О пыгане, мужике и его кобыле» (Микешин) и «Страшный суд» (Васнецов) не стали событием в развитии этого жанра. «Рядом с неведомым, наивным рисовальщиком прошлых столетий, изображавшим «Страшный суд», Васнецов кажется настоящим исполином. Но вот деревня прошла мимо исполина и почему-то тянулась к старому привычному»² — вспоминает крупнейший издатель лубочных картинок И. Д. Сытин. Объяснение этому странному на первый взгляд явлению он дает следующее: «Очевидно есть в народном вкусе своя устойчивость, которая слагалась веками и от которой народу отказаться не легко»³.

В немногих лубках русских художников поначалу, вольно или невольно, собственно народное искусство было вытеснено профессиональным, правда, как бы приспособленным для народа. В них получили отражение не совсем точные представления о вкусе народа. Алеш пошел несколько иной дорогой. Не отказываясь от активного использования традиций чешского народного искусства, он в то же время успешно сочетал их с богатым опытом профессиональной графики. И это объясняет небывалый успех и признание его рисунков-песен, в которых было и традиционно привычное, издавна знакомое и любимое, и новое, умело привнесенное художником-профессионалом.

Мы попытались хотя бы отчасти приоткрыть тайну необычной популярности «Шпаличка», его неувядающей молодости. Долговременный успех рисунков-песен Алеша, как нам кажется, обусловлен тем синтезом элементов народного и профессионального искусства, который лежит в их основе. В своей статье мы коснулись лишь одной из существенных особенностей этой книги. Разумеется, есть и другие аспекты ее изучения: связь рисунков-песен со всем многообразным творчеством Алеша, история их изданий, структура «Шпаличка», непосредственный анализ его содержания и т. д. Все эти вопросы заслуживают специального рассмотрения, но это особая задача, которой в данном случае мы себе не ставили.

Произведения, в которых устное народное творчество соприкасается с профессиональной художественной литературой, многочисленны и широко известны. Это и сказки Пушкина, и «Снегурочка» Островского, и «Отголоски чешских песен» Челаковского, и многие стихи словацких поэтов (Само Халупка, Ботто, Краль). Соединение элементов народного изобразительного искусства с опытом профессиональных художников встречается значительно реже, и в этом смысле «Шпаличек» представляет особый интерес. Ведь использование традиций народного изобразительного творчества — проблема не только историко-культурная, но и очень современная. Она имеет прямое отношение к художественной практике наших дней, когда интерес к народному изобразительному творчеству необычайно велик, когда многие молодые художники настойчиво ищут пути к творческому освоению и развитию традиций народного искусства.

² И. Д. С y т и н, Жизнь для книги, М., 1962, стр. 42.

³ Там же.